

Но она брезгливо отталкивает его. Александра дель Лаго собрана и царственна, где вульгарность, разнузданность? Где нежность и тоска? Что было игрой, а что настоящим? Она актриса. Ей нужны только роли. И они у нее будут. Но — совсем ничего личного? Что ж, об этом можно подумать после. История не закончена. Есть еще Чэйн.

И к Чэйну приходит кто-то. Невысокий, в красном сверкающем ку-клукс-клановском колпаке и таком же балахоне. Палач? Смерть? Мстители из банды сыночка Финли (**Алексей Кучинский**) явились-таки рассчитаться за позор сестры? Выглядит, правда, персонаж для такой роли странновато. Как в анекдоте «это я, твоя нелепая смерть». Чэйн вон только что запивал водкой горсть таблеток — может быть, это наркотический бред?

Между тем существо, откинув капюшон и оказавшись красивой черноволосой девушкой (**Екатерина Боброва**), принимается поучительно декламировать Чэйну цитату из Николая Островского. Да, ту самую, про жизнь, которая дается один раз. Если это не галлюцинация, то что? Конец фильма.

Возможно кто-то в зале, в отличие от меня, понял, почему закалялась сталь в середине 50-х годов прошлого века в маленьком городке неподалеку от Голливуда. Простите мою недогадливость. Бог с ним, с красным колпаком. Острое послевкусие спектакля оставляет не финал, а рассказ о несбывшемся. Ну и — главное зрительское наслаждение — от актерской игры.

Елена КЛИМОВА

Фото Виктора ДМИТРИЕВА

ОРЕНБУРГ. Бескорыстные чудачки

При упоминании о городе Оренбурге, стоящем на границе Европы и Азии, мы сразу же вспоминаем «Капитанскую дочку» Александра Сергеевича Пушкина, который путешествовал в этих краях и собирал материал для «Восстания Пугачева», а также писателя Сергея Тимофеевича Аксакова — друга Николая Васильевича Гоголя с его удивительной прозой и волшебным «Аленьким цветочком». Прошлое никуда не уходит, оно продолжает питать творчество современных авторов, композиторов, художников, режиссеров, актеров.

Неудивительно, что **Оренбургский областной драматический театр имени Максима Горького**, отпраздновавший свое 160-летие, не прерывает связи с русской классикой, оставаясь верным психологической школе перевоплощения и жизни человеческого духа на сцене. Конечно, это очень непростой путь, тем более труд-

но не поддаваться модным течениям ради сиюминутного успеха и современным вызовам продвинутых режиссеров, объявивших себя демиургами. **Рифкат Исрафилов**, возглавивший театр 20 лет назад, не пытается бежать впереди искусственного прогресса, у него свой взгляд на творческий процесс, собственное мировоззрение и своя философия: ничто так не обогащает зрителя, как вера в добро и человека, не пасующегося перед трудностями и сохраняющего честь и достоинство.

Эти понятия, ставшие сегодня, к большому сожалению, рудиментарными, продолжают его волновать, ставить на эту тему спектакли и в этом же духе воспитывать актеров, составляющих костяк довольно мощной труппы.

Уж казалось бы, что нового можно сказать в пьесе **В. Гуркина «Любовь и голуби»**, прошедшей в сотнях театров, превращенной в сценарий известного филь-

«Любовь и голуби». Вася Кузякин — Б. Круглов, Раиса — И. Прохорова

ма с этим же названием, а вот поди ж ты... Как ни странно, зрители охотно идут на это представление с деревенскими музыкантами, отлично зная сюжет. Несомненно, им хочется погреться в атмосфере бесхитростной, нравоучительной притчи, где отец семейства, попавший в капкан себе на уме дамочки, вдруг понимает, что настоящая жизнь была там — с вечно недовольной женой, тремя «спиногрызками», уже выросшими из коротких штанишек, а на шпильки, модные тряпки денег нет, и конечно же, голубиной мансардой. (В спектакле голуби живые, они курлыкают, машут крыльями, и от этого становится светло на душе.)

Кто пострадает в результате этой измены, а кто окажется в выигрыше — многие зрители, наверняка, знают. Но им интересно увидеть, хватит ли сил у **Бориса Круглова** распутать столь сложный клубок, не впадая в преднамеренное комикование, как актриса **Мария Губанова** прореагирует на «цивилизованные» переговоры с любовницей мужа и чью сто-

рону займут взрослые дети или скажут: «Это ваши проблемы».

К счастью, в спектакле Исафилова нет своих и чужих проблем, они для всех общие. Не то чтобы понятные, а близкие, задевающие за живое. Ради этого он вводит деревенских музыкантов: трех девиц и паренка с балалайкой. Живые свидетели семейных неурядиц ходят по деревне, наблюдают и сочиняют озорные частушки про любовь-разлуку. В их поле зрения попадают соседи и Кузякиных — Вислухины. Баба Шура в гротесковом исполнении **Зинаиды Карпович** никак не может справиться со своим дедом — бывалым моряком Митяем, добрейшей души человеком, склонном к преувеличениям и забавным приключениям, ну а фантазировать и чудить ему помогает спрятанная на теле чекушка белянкой. **Александр Папыкин** словно фокусник вынимает заветную «микстуру» из широких штанов, спасающую от любых стрессов и вот уже она, родимая, булькает в граненные стаканы, и все проблемы со злыднями женами сами

собой отпадают, до определенного момента, когда с ухватом появляется гром-баба Шура. И тут все закрутится, завертится, словно в веселом хороводе, и не будет Митяю пощады от сварливой жены. Ну, чем не дель арте по-русски?...

Да и кто бы мог подумать, что тяга к красивой жизни погубит наивного голубятника, впервые приехавшего на курорт? Ведь старшая дочь (**Анастасия Павлова**) уже обожглась на этом. Побывав в Иркутске и неудачно выйдя там замуж, она вернулась в родительский дом, где чувствует себя чужой и бродит, как неприкаянная. В свою очередь Василий Кузякин, смолоду привязанный к единственной подруге жизни, никак не предполагал, будто женщины могут соблазнять мужчин, а не наоборот. Раиса Захаровна с длинными ногами от шеи, в платье по самое «не могу» моментально берет инициативу в свои руки, распалив обалдевшего мужичка до дрожи в коленях, и он, как послушный бычок на веревочке, точнее, впервые надетом галстуке, следует за женщиной-вамп, позабыв обо всем на свете. **Ирина Прохорова** в гротесковом ключе играет эмансипированную даму, мечтающую об одном, чтобы в ее аккуратном гнездышке поселились «штаны», а там со временем она сделает из Василия культурного бойфренда. Только она не учла одного — у этого деревенщины оказалась живая душа, грусть-тоска его съедает и хочется на волю, туда, где над крышей порхают голуби, во дворе дел невпроворот и жена пилит с утра до вечера.

Один из самых смешных эпизодов народного лубка, это когда самонадеянная Раиска заявляется в дом Кузякиных объявить Надежде, что Василий к ней никогда не вернется. По всему видно, она абсолютно уверена в собственной неотразимости и поэтому не боится какой-то там жены в застиранном платье, а вот вредных микробов опасается. Для этого у нее припасен платочек. Его можно и на скамейку постелить, и на плечо несчастной жертве набросить, чтобы припав к ней щекой, сочувствие изобразить. Только этот номер у нее не проходит. Надежда умеет за себя посто-

ять и разлучнице приходится срочно ретироваться, иначе в глаз получит, оставив в руках горячки бант от модной шляпки. Начиная с этого момента, а также возвращения блудного мужа, темпоритм спектакля категорически меняется. Он становится упругим, энергичным, полным опасностей и непредсказуемых сюрпризов. Зигзаг судьбы может повернуться в совершенно неожиданном направлении, ведь на кон поставлена любовь, а она держится на тонкой ниточке, готовой в любой момент оборваться... Да и топор, воткнувший в бревно, должен непременно оправдать свое предназначение, несмотря на жанр комедии. Смех смехом, а бескорыстные чудачки тоже способны на отчаянные поступки, когда затрагивается их честь. По крайней мере, именно взрослый сын хватается за топор и готов зарубить отца, нарушившего обет верности.

Сильный эмоциональный взрыв прочищает мозги витающему в эмпириях Василию. Оказывается, он не знал своих детей, не ведал, что его крикливая жена, то чудо, которое он в повседневной суете не оценил. Итак, Надежда должна праздновать победу, она выиграла, но теперь надо сделать не менее трудный шаг — простить. И тут начинается комический детектив. С одной стороны, хочется, а с другой — колется. Инкогнито встречается на холоде у реки неловко, и все-таки тайна «обвенчала» их, они вновь помолодели, выбросив из головы весь мусор, мешающий свободно дышать, ощущать себя счастливыми. Да, комедия немислима без счастливого финала, а вот чему она научила, это ответит зритель, не раз испытывший на себе проверку на прочность, подобно главным героям спектакля.

«**Милые люди**» по рассказам **Василия Макаровича Шукшина** в постановке **Рифката Ибрафилова** чем-то похожи на «Любовь и голуби». Место действия все то же — русская деревня. Кстати, она может быть и татарской, и марийской, потому что люди в ней живут по закону соборности и правилам нравственности. Когда в каком-то доме происходит радостное или, не дай Бог,

«Свадьба Кречинского».
Михаил Кречинский — С. Тыщенко,
Иван Расплюев — С. Кунин

трагическое событие — сарафанное радио срывается мгновенно, и все собираются вместе, чтобы сообща порадоваться или предложить помощь. Национальный менталитет зеркально отражается в фольклорном творчестве. Поэтому режиссер, не мудрствуя лукаво, сочинил музыкальный калейдоскоп из дорогих сердцу народа песен в сопровождении деревенских музыкантов и зажигательных плясок. Это не собранные под одну крышу вставные номера, они выросли из режиссерского замысла и главной идеи спектакля — жизни по совести, такой дорогой и желанной для честного писателя. Национальные характеры тоже представляют калейдоскоп, но уже другой — психологический, наполненный разными чертами персонажей: добрыми, завистливыми, противоречивыми, злыми, отчаянными, живущими на одной земле и потому родными чудаками, раскручивающими земной шар по-своему.

Давно я не видела спектакля, где бы с такой любовью и пониманием были представлены сельские жители — главное богатство России, о котором забыли и почти не говорят. Может быть, кто-то из моих коллег зачислит «Милых людей» в разряд ретро, далекий от современной жизни, только им не понять, что есть национальная идея, так до конца и не сформулированная власть предрержащими. Шукшин чувствовал ее всем своим нутром, всеми фибрами изболевшей души, бился в закрытые двери и потому сгорел преждевременно.

Начинается представление с ударной волны. Перед зрителями возникают три веселых гармониста и, хитро подмигнув, заводят: «Всем, кто держит камень за пазухой — ой и трудно в деревне у нас». Слово разноцветный горох посыпятся на вольный простор парни и девчата, и станет тесно от их разгоряченных молодых тел, воздух наполнится стуком каблучков, радостным визгом, а над ними будет планировать деревянная птица счастья, обещающая каждому танцору долгую жизнь и счастье. Длинные качели, словно маятник часов, будут вести свой отчет времени, ибо никому не предугадать, как и когда закончится земное бы-

тие. (Исполнители охотно обыгрывали широкое пространство в сценографии **Тана Еникеева**. Сразу было видно, что режиссер с художником отлично понимают друг друга.) Так Андрей Ерин в исполнении **Бориса Круглова** сильно взволнован наличием микробов в капле воды, увиденных в новеньком микроскопе, купленном в сельпо потихоньку от суровой жены. Охочий до науки мужичок начинает метаться по квартире, злиться, недоумевать: надо же, сколько лет прожил, а только сейчас узнал о микробах, заполнивших весь мир. Что делать? Этот провокационный вопрос задает и бабушка Маланья (**Наталья Панова**), собравшаяся лететь к сыну, а всезнающий, вертлявый Серега с шилом в одном месте уверяет, будто все самолеты падают, не забывая приложиться к огромной бутылке с самогоном. И чем больше он пьет, тем активнее работает его фантазия, вгоняя впечатлительную старушку в стопор. **Сергей Шахмуть** настолько виртуозно проводит эту забавную сцену, что кажется, артист рожден для роли Хлестакова.

В рассказе «Привет Сивому!» скромный Серж с цветами и в шляпе, придя в гости к легкомысленной Кет, застаёт у нее крутого парня, без всякого стеснения лапающего ее за все места и не получающего отпора. Что до глубины души возмущает тишайшего интеллигента. От безысходности он выпивает полбутылки виски и тут в нем просыпается лев, о чем он ранее не подозревал. В бешенстве с безумными глазами Серж бросается на противника, складывается циркулем, кувырывается, летит к заветной цели со скоростью запущенного в ворота футбольного мяча. Раз... и мимо, снова вскакивает и бьет, — опять мимо. По сути, этот цирковой номер **Дмитрий Воронаев** исполняет в лучших традициях виртуозной эксцентрики, мастерски срететированной с режиссером и воплощенной в комическом варианте.

Мое удивление, связанное с легким дыханием артистов и глубинным погружением в образы, возрастало по восходящей и наконец достигло высшей точки в рассказе «Одни». Два исполнителя, **Сергей Ты-**

«Милые люди»

щенко и совсем молодая актриса **Лариса Толпышева**, закутанная в огромный платок, явно страдающая ревматизмом, затеялись среди хомутов, свисающих с потолка вожжей и разной утвари для лошадей. На скамье сидит старик в кожаном фартуке и что-то мастерит. Старики прожили вместе огромную жизнь, но смотрят в разные стороны. Она по-прежнему собирает копейку к копейке, экономя на всем, как будто хочет все унести на тот свет. Он тяжело вздыхает, горюет, ведь шорник уже никому не нужен, а значит и жизнь его не представляет никакой ценности. Дети разбежались, осталась одна радость — балалайка с оборванной струной. Хорошо бы купить новую, да старуха на такое баловство денег не даст... Ничего особенного в этой сцене не происходит, но за актерами следишь, затаив дыхание, даже в зонах их длительного молчания. Они живут на сцене по зако-

нам реализма, когда условность уступает место правде чувств. Казалось бы, ну подумаешь, какая невидаль, старики вспоминают о прошедшей молодости, впервые осознавая, что это была самая счастливая пора в их жизни и ждать уже нечего. Конечно, время не повернуть вспять, только пока они живы, старик может надеть красную рубаху, взять в руки балалайку и сыграть, а старуха, сбросив платок и распрямив усталые плечи, пустится в пляс, и между ними вновь возникнет та самая связь двух сердец, которая заменилась привычкой.

Поэтому режиссер, отвечая на излюбленный русский вопрос: «Что делать?» — ничуть не сомневаясь, отвечает: надо жить на полную катушку, весело, озорно, не скучить и не падать духом, так как не успеешь глазом моргнуть, а уже пора собираться в дальнюю дорогу, откуда нет возврата. Неслучайно заключительным аккордом дере-

венских посиделок стал рассказ «**Степка**», вместивший в себя и загадочную русскую душу, и любовь к отеческим гробам, и человеческое достоинство за тюремной решеткой. Степка в мощном исполнении **Андрея Иванова**, сбежав из колонии за два месяца до освобождения, не стал прятаться, а как вольный человек пришел в родную деревню и солгал родителям, что его отпустили досрочно. Страха нет, он знал, на что идет, куда страшнее было ждать, когда казалось сердце вот-вот разорвется. Ему позарез хотелось увидеть родные лица, на гармошке сыграть, обнять любимую, а там хоть «трава не расти». Вся деревня собирается во дворе Емельяна Воеводина. Как же, наконец-то, отец дождался сына, и столы сами собой накрываются как скатертью-самобранкой, слезы радости не скрываются, наоборот, у всех такое ощущение, будто они получили вольную и можно плясать до рассвета. Даже милиционер расчувствовался, не стал при всех выводить на чистую воду беглеца, знал — сам придет. И в предчувствии неминуемого, как бы отрешившись от случившегося, хор односельчан запекает старую казачью песню: «Не для меня придет весна»...

Казалось, после таких самобытных и филигранно отточенных спектаклей, «**Свадьба Кречинского**» не может подкачать. Тем более в интерпретации известного режиссера **Сергея Яшина**. Многие постановщики обжигались на драматургии **Сухово-Кобылина**, с первого взгляда понятной и простой, а на самом деле коварной, с подводными рифами. Вот и на этот раз, полностью доверившись драматургу в обозначении жанра комедии, режиссер ввел зрителей в некое заблуждение, так как в машинациях Кречинского, с точки зрения нашего сегодняшнего восприятия, ничего смешного нет, разве только доверчивые дурачки и дуручки попадались на его удочку, типа порхающего мотылька Лидочки в исполнении **Ольги Бересток**, мечтающей поскорее выскочить замуж и избавиться от опеки пенькины и надоедливой тетушки, которая не прочь пофлиртовать с красавцем Кречинским. Зачем режиссе-

ру понадобилось дискредитировать даму в летах — нетрудно догадаться: чтобы разнообразить скучную жизнь зажиточного помещика Муромского, где молодые слуги тоже могут пригодиться для расшалившейся **Анны Антоновны**, сыгранной **Натальей Пановой**. Боже упаси, я не посягаю на режиссерский замысел, но как-то неловко наблюдать подобного рода адюльтеры на полу гостиной. А впрочем, ради «завлекалочки» и такое сойдет. Поэтому в данном случае теряться не надо, фантазмагория так фантазмагория, сатира на прогнившее общество так сатира, комедия тут себя не совсем оправдала.

Ну, а теперь давайте посмотрим, как артисты справились со своей задачей — развлекая поучая и предостерегая от сонма проходимцев, играющих на тонких струнах душ доверчивых людей. Главный знаток человеческих пороков Михаил Васильевич Кречинский, каким его трактует **Сергей Тыщенко**, не просто разорившийся игрок, он вылитый демон зла, с обворожительной улыбкой устраивающий темные дела и получающий удовольствие от этого. Его правая рука Иван Антонович Расплюев вынужден служить своему босу, но если бы представился удобный случай, то заложил бы его с огромной радостью. **Сергей Кунин** играет эдакого гаденького карлика с рожами в кудрявой голове, не хватает только хвоста для портрета черта. Владимир Дмитрич Нелькин (**Сергей Шахмуть**) тоже не робкого десятка и мог бы запросто разоблачить шулера Кречинского, перехватившего у него инициативу жениться на Лидочке, только слишком он много суетится, прыгает, как кузнечик, кричит, размахивает руками, на словах готов горы свернуть ради высоких идеалов, а присмотришься к нему — пустой человечек. Таким образом бескорыстных чудаков в пьесе Сухово-Кобылина нет и не может быть, все куют свое счастье за счет другого, и обман не считается большим преступлением, так как известно: «Не пойман — не вор». На том и стоим!

Любовь ЛЕБЕДИНА